

Анатолий Борисович, с выбором профессии вам как-то помогал ваш двоюродный брат, знаменитый актер Михаил Кузнецов?

- Отчасти. Его отец умер, когда Мише не было и четырех лет. И мой папа заболел о мальчишке как мог. А когда Михаил стал уже взрослым человеком, то, естественно, со всеми новостями первым делом ехал к дяде. В нашей 12-метровой комнате в коммуналке часто устраивались вечера. Мой отец был профессиональным певцом, работал в ансамблях, последние годы жизни состоял в оперной труппе Большого театра. Многие из наших знакомых принадлежали миру искусства. Беседы шли вокруг театра, кино, живописи. Михаил рассказывал о съемках у Эйзенштейна в «Иване Грозном», у Райзмана в «Машеньке», у Пырьева в «Секретаре райкома»... Старше на 12 лет, он был для меня непрекращаемым авторитетом. И когда, проучившись два года на викариате в музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова, я решил стать актером, то, естественно, обратился за советом к брату. Дело в том, что я сдал экзамены сразу в Щукинское училище и в Школу-студию МХАТ, в оба вуза прошел по конкурсу и не знал, какой выбрать. Михаил Кузнецов мне сказал: «Поскольку я окончил музыкально-драматическую студию имени Станиславского, оставайся во МХАТе». Я последовал совету брата, о чем никогда не жалел. Со мной учились Галина Волчек, Игорь Кваша, Ирина Скобцева, Леонид Броневой... На базе нашего курса Олег Ефремов создавал театр «Современник».

Когда вы начали сниматься в кино, не возникало соблазна запеть в кадре? Ведь у вас был неплохой баритон...

- Почему был? Голос у меня и сейчас неплохо звучит. И если песня органично вписывается в канву фильма, почему бы не спеть? Вот, например, в фильме «Случай на шахте восемь» в одной из сцен мой герой сидит с девушкой и напевает под гитару. В бело-русско-болгарском фильме «Братушка» я сыграл поющего солдата-обозника. Но как-то специально я в этом направлении не работал. В отличие, скажем, от Марка Бернеса, у которого что ни картина, то песня. Одно время мы с ним дружили, хотя он гораздо старше меня. Бернес серьезно работал с композиторами и поэтами, подгонял всякую новую песню под себя и включал ее потом в свой концертный репертуар. Но не всем же поющим актерам делать ставку на песню! Кстати, сейчас я часто пою на встречах со зрителями.

В 1964 году вы сыграли в комедии Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу». Почему дальнейшая дружба с режиссером не сложилась?

- Самое первое приглашение от Эльдара Александровича я получил в 1956 году в новогоднюю комедию «Карнавальная ночь» - небольшую роль молодого человека, влюбленного в героиню Людмилы Гурченко. В это время на киностудии Довженко мне сделали более заманчивое предложение - главная роль в фильме об альпинистах «Путешествие в молодость». Я уехал в Киев. И вот вам ирония судьбы: добротная украинская картина прошла в прокате очень скромно, а, казалось бы, незабываемая рязановская комедия произвела фурор и с тех пор регулярно идет по ТВ в новогодние праздники.

После лирической комедии «Дайте жалобную книгу» Рязанов предложил мне роль следователя в криминальной драме «Берегись автомобиля» - ее потом сыграл Олег Ефремов. К тому времени мне порядком надоели схематичные положительные герои, играть которых предлагали все чаще. Режиссеры донимали: «Анатолий, требуется твое обаяние и умение вдохнуть жизнь в хорошего парня». А меня интересовали и отрицательные персонажи, там и фактура побогаче, и краски ярче, и эмоций больше. У Рязанова я попросил роль Деточкина. «Нет, Деточкина я отдаю Смоктуновскому», - сказал режиссер. - А ты сыграешь с ним в дуэте». Но Максим Подберезовиков показался мне скучноватым материалом для актера, и я отказался. Когда позже увидел фильм, то понял, что погорячился. Потом мне предложили еще две роли: травмированный следователь, страдавший от «бандитской пули» в «Стариках-разбойниках», и председатель гаражного кооператива в «Гараже». По разным причинам эти работы не состоялись. Особенно

Народный артист России Анатолий КУЗНЕЦОВ снялся почти в 100 фильмах, среди которых «Друг мой, Колька!», «Утренние поезда», «Братушка», «Гордубал», «Берега в тумане», «Горячий снег», «В зоне особого внимания», «Ширли-Мырли»... Однако почти всюду его узнают как «товарища Сухова» - главного героя культовой картины Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни». Недавно актер отметил 75-летний юбилей.

ФОТО ИТАР-ТАСС

Анатолий КУЗНЕЦОВ:

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ» ТАК И НЕ ВЗОШЛО НАД МАРОККО

досадно было за «Гараж». Буквально за десять минут до звонка Рязанова я дал согласие чехословакам сниматься в главной роли в трагедийном фильме «Гордубал» по Карелу Чапеку. Услышав об этом, Эльдар Александрович не обиделся - оказалось, он знает и любит эту книгу.

Когда вы попали в картину «Белое солнце пустыни», почувствовали, что вытянули звездный билет?

- Нет, конечно. На съемках никогда не знаешь, чем закончится затея в целом. Замысел сценария под рабочим названием «Спасите гарем» возник у Валентина Ежова на отдыхе в Коктебеле. Андрей Михалков-Кончаловский попросил его придумать что-нибудь в восточном духе в расчете на тогдашнюю жену режиссера Наталью Аринбарову. Ученика Ежова бакинца Рустама Ибрагимбекова приобщили к делу как знатока среднеазиатского колорита. Красноармейца Сухова играл Николай Губенко. Точнее, как мне потом говорил Ежов, «там играть ничего не надо, а надо стрелять на полсекунды раньше противника, и все». Спустя какое-то время Михалков-Кончаловский картину оставил по причинам, мне неизвестным, и постановку предложили Владимиру Мотылю. Он взялся с условием, что никто из прежних авторов не станет вмешиваться. Те согласились. И действительно, на съемочной площадке мы их никогда не видели.

Говорят, в роли Сухова Мотыль начал снимать Георгия Юматова...

- Я никогда не интересуюсь, кто пробует на роль помимо меня. Так, в картину «За витриной универмага» одежды моего персонажа примеряли около 30 актеров, среди которых Вячеслав Тихонов и Петр Алейников. Если бы я это знал заранее, то проиграл бы от страха. В советские времена утверждением на роль ведал худсовет, куда

входили представители студии, Минкульта, Госкино. И только очень извещным режиссерам позволялось принимать самостоятельные решения. С Владимиром Мотылем мы познакомились еще на картине «Ждите писем», где он был вторым режиссером. Мне потом рассказывали, что он настаивал именно на моей кандидатуре, потому что с резким и атлетичным Юматовым картина, скорее всего, превратилась бы в чистойшей боевик. А Мотыль не хотел соревноваться с Голливудом. В те времена американцы все равно лучше нас скакали на лошадях и метко стреляли, не целясь. За Юматова был худсовет, но по некоторым причинам актер в этот проект не попал. Мотыль мне написал: «Анатолий, если ты не обиделся, то приезжай...» Обижаться в таких случаях нет смысла. Но я все же сначала переговорил с Георгием. Он сказал, что у него возражений нет.

О местах съемок «Белого солнца» ходят легенды...

- Самая первая экспедиция была осенью под Лугой. Там еще оставалась «зеленая натура», на фоне которой сняли «русские» эпизоды с моим героем в окружении девушек в платочках. Затем поехали на Каспийское море. Под Махачкалой выстроили декорации: нефтяные баки, дом таможенника. Нашли баркас, на котором Абдулла собирался удрать за границу. Во время съемок случилась неприятность: у нас пропала часть реквизита. Среди похищенных вещей оказались и часы Сухова. Тогда Владимир Мотыль обратился к одному из местных авторитетов: «Если сможешь найти, снимайся в картине». На следующий день нам все вернули, в том числе часы моего героя.

Еще одна экспедиция состоялась в Туркмению в город Байрам-Али. Отту-

да мы выезжали в сторону Каракумского канала - далеко в жаркую пустыню, где снимали разные эпизоды, в том числе тот, где Спартак Мишулин закопан по шею в песок. Сцены в музее отсняли в древнем Мерве - городе, основанном Александром Македонским и наполненном разрушенным Чингисханом. Со времени выхода фильма на экраны людская молва много чего придумала. Прилетел я как-то в Калининград, а мне говорят: у нас на Куршской косе снимали «Белое солнце пустыни». Я чуть не упал от удивления. А в других краях, слышал, чуть ли не за деньги возят туристов показывать якобы места съемок. Много теперь развелось предприимчивых людей!

Я слышал, что «Белое солнце» хотели закрыть как слабое кино...

- Было такое. Просматривая отснятый материал, чиновники в какой-то момент посчитали, что у нас ничего не получается. Пришлось бороться за возможность доделать картину. Потом готовый фильм не хотели выпускать на экраны. Спас случай. Однажды под выходные на «Мосфильм» позвонили с дачи Брежнева и попросили «что-нибудь новенькое». А в тот момент ничего подходящего, кроме забракованного «Белого солнца», не оказалось. Брежнев фильм понарадовался, он позвонил министру кинематографии: «Молодец, хорошие картины делаешь». После этого «Белому солнцу», естественно, дали «зеленую улицу».

После фильма у вас завязалась дружба с таможенником Верещагиным и Саидом?

- Между нами сложились хорошие отношения. Уже во время съемок Павел Луспекаев был серьезно болен. Чтобы избежать гангрены, ему ампутировали пальцы на ногах. Он носил специальные ортопедические ботинки.

Врачи прописали ему строгий режим, но он с этим не считался. Широкой души был человек. И актер потрясающий. А со Спартаком Мишулиным мы виделись в последний раз незадолго до его ухода. Я привел внука на его знаменитый спектакль «Малыш и Карлсон»...

Вас не задает, что в сознании публики роль Сухова как бы затмевает собой другие ваши работы в кино?

- Этот вопрос меня уже измучил. Бывает иногда досадно. Ведь у меня много других интересных ролей. В честь юбилея на телевидении сняли обо мне передачу. Ее авторы с удивлением открыли для себя многие фильмы с моим участием, которые, увы, давно нигде не показывают. Но с другой стороны, такая роль, как товарищ Сухов, выпадает актеру раз в жизни. Зачем зря сетовать на судьбу? Благодаря «Белому солнцу» я объездил полмира - картину купили в 130 странах. И всюду успех! Не повезло фильму, пожалуй, только в Марокко. Как мне объяснил работник советского посольства, у марокканского короля Хасана II было две жены. И ему стало обидно, что у простого русского солдата их девять. Почему он посчитал, что эти женщины принадлежат моему герою? Ведь это жены Абдуллы. Я так и не понял, шутка это или нет. Как бы там ни было, но фильм в этой стране не показывали.

Мне приятно, что «Белое солнце» стало талисманом для наших космонавтов, которые в обязательном порядке смотрят его перед каждым полетом в космос. После чего они играют в своеобразную викторину, задавая друг другу вопросы. Например: «Какой системы гранаты были у таможенника?», «Сколько стоит Сухов?», «Какую икру ел Верещагин?», «Как звали жен Абдуллы?»...

Я слышал, что в разные годы поднимался вопрос о съемках продолжения «Белого солнца». Как бы развивалась линия вашего героя?

- Я никогда не хотел продолжения. Это произведение законченное. Зачем вытяжки-то из него делать? Если уж продолжать, то нужно сделать в два раза лучше. А таких примеров история кинематографа, кажется, не знает. Я, например, в свое время с удовольствием посмотрел, как бегает и дерется Сильвестр Сталлоне в боевике «Рембо». Все последовавшие затем сиквелы стали жалким повторением. Сейчас якобы снимают «Рембо-5». Ума не приложу, кто его станет смотреть. Сколько можно повторять одно и то же? Нужно придумывать новые проекты.

Юрий Нагибин написал о вас монографию «Больше чем актер». Это редкость, когда серьезный писатель так увлекается чьей-либо актерской игрой...

- Это его так впечатлила картина 1985 года «Берега в тумане», где я сыграл белогвардейского полковника, который эмигрировал с войсками Врангеля в Болгарию, а в советской России у него остались любимая жена и дочь. Трагедийная роль. С Юрием Марковичем мы дружили еще с 1955 года. Познакомились на съемках «Гости с Кубани». Для него как сценариста это был первый фильм, а для меня - первая главная роль. Потом мы часто общались. Он был очень знающим, начитанным человеком, и мы могли часами просиживать за беседой, не замечая, как летит время. Когда Нагибин не стало, мне казалось, что больше и поговорить-то не с кем будет...

Вы сейчас много снимаетесь: «Раскаленная суббота», «Турецкий гамбит», сериалы «Участок», «На углу у Патриарших-4», «Кавалеры Морской звезды»... Как вам удается держаться в хорошей форме?

- Все просто. По утрам зарядка, прогулки на свежем воздухе, полноценный сон по ночам. И самое главное: есть надо поменьше. Жир старит человека. Сейчас об этом существует много литературы. Иногда вообще полезно поголодать. Бывает, замораживаешься с делами, до дома далеко, а пойти в какую-нибудь забегаловку, где тебя неизвестно чем накормят, не хочется. Тогда пересиливаешь чувство голода и через время чувствуешь легкость в теле. Голова светлеет, энергия, как ни странно, появляется, настроение поднимается. И выглядишь моложе своих лет. В чем тут секрет нашего организма? Поди разберись...

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ